Убежденность в ценности собственного Я при разном отношении к угрозам личной безопасности*

Михаил С. Иванов^{a, @, ID}

^a Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

@ ivanov.mikail@gmail.com

ID <http://orcid.org/0000-0001-5444-0069>

Поступила в редакцию 27.11.2020. Принята к печати 18.12.2020.

Аннотация: Исследование направлено на изучение взаимосвязи между убежденностью в ценности собственного Я как характеристикой идентичности и отношением к угрозам как компонентом общего отношения к личной безопасности. Убеждения в ценности собственного Я понимаются в соответствии с теорией базисных убеждений Р. Янов-Бульман и измеряются с помощью соответствующей методики. Отношения к угрозам личной безопасности выявляются с помощью авторской методики как балльные оценки субъективной серьезности угроз из предложенных списков. Результаты показали, что убеждения в ценности собственного Я определяют оценки угроз при определенных сочетаниях с убеждениями относительно окружающего мира: повышенные опасения связаны с отношением к себе по типу «Мир плохой, а я хороший», снижение опасений наблюдается при Я-образе «Мир плохой, но мне всегда везет». В этой связи в выводах отмечается необходимость изучения идентичности как взаимосвязи представлений о себе и окружающем мире, подчеркивается необходимость изучения идентичности как важнейшего источника формирования отношения к личной безопасности.

Ключевые слова: убеждение, Я-концепция, идентичность, отношение к личной безопасности, представления об угрозах, психология безопасности

Для цитирования: Иванов М. С. Убежденность в ценности собственного Я при разном отношении к угрозам личной безопасности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 992–999. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-992-999>

Введение

Проблема отношения субъекта к личной безопасности, интерес к которой заметно возрос в последние годы, напрямую связана с самоопределением субъекта относительно опасности, т. е. проблематикой идентичности. Накопленные в исследованиях по личной безопасности результаты убеждают, что эффективность противодействия угрозам определяется не только адекватностью их оценки, но и, что не менее важно, точностью оценки своих возможностей противодействия. Ответы на вопросы «С чем я могу совладать, а с чем не могу?» и «К чему я готов, а к чему нет?» – ключевые в системе представлений личности о себе, в них и проявляется самоопределение личности по отношению к опасности, что предопределяет безопасное поведение.

В этой связи изучение представления личности о себе с точки зрения безопасности представляется перспективной темой научного исследования, актуальной как для самой психологии безопасности, так и в контексте изучения идентичности. В одном из наших исследований, посвященном взаимосвязи между представлениями об опасности и некоторыми элементами идентичности, были получены

результаты, указывающие на потенциал в изучении этих вопросов – было показано, что зачастую позитивная идентичность сопровождается более высокими оценками угроз в отношении личной безопасности, что выглядит не очевидным [1]. Например, субъективно счастливые люди в среднем больше переживают за свою безопасность, чем те, которые не считают себя счастливыми; а те, которые считают себя щедрыми, сильнее опасаются потерять источники дохода. Обнаруженный факт, с одной стороны, может объясняться тем, что счастливым есть, что терять, с другой – несколько противоречит устоявшимся в психологии представлениям: принято считать, что позитивная идентичность является индикатором здоровой личности, а значит должна сочетаться с базовым доверием и общим ощущением безопасности. Выявлены и другие сочетания характеристик идентичности и представлений об угрозах личной безопасности, указывающие на любопытное содержание взаимосвязи между этими явлениями, которая и выступила предметом настоящего исследования.

Анализируя изменения в содержании идентичности и тенденциях ее изучения, Е. П. Белинская отмечает, что понимание

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00066 «Система идентичности личности учащейся молодежи: динамика, факторы, угрозы».

идентичности в своей структурной и содержательной определенности все чаще замещается взглядами, отражающими процессуальность ее характеристик, возникает парадигма «текучей» идентичности как ответ на «текучесть» современности [2–4]. Вызов неопределенности как одна из основных проблем не только изучения идентичности, но и современной психологии вообще отмечается многими авторами [5–7]. В этой связи Т. Д. Марцинковская пишет о самой идее исследований идентичности как заданной не только поиском ответов на традиционные вопросы о природе человеческого Я, но и реакцией на вызовы неопределенности, когда в обществе усиливается потребность в понимании трансформирующихся норм и правил поведения [8]. В этом смысле фактически идентичность предлагается рассматривать как систему, отвечающую на вызовы непредсказуемого и быстро меняющегося мира, а нарастающая в исторически кризисные времена множественность проявлений идентичности объясняется многообразием и сложностью этих вызовов.

В проблематику идентичности включаются представления не только о том, кем человек себя считает, какой он и на что он готов пойти, но и тем, кем он себя не считает, каким не является и на что не готов пойти ни при каких обстоятельствах – в этом раскрывается важная функция идентичности, связанная с очерчиванием границ себя [9]. В структуре идентичности изучаются представления о множественных предполагаемых Я в будущем [10]. В противовес классическому структурному подходу идентичность все чаще исследуется как дискурсивное явление, нарративная категория, существующая лишь в виде субъективной «жизненной истории» [11; 12]. Отдельного анализа заслуживает многообразие изучаемых исследователями идентичностей, например, активно изучается «идентичность с городом» [13].

Можем сделать заключение о близости проблематики идентичности и безопасности. В каком-то смысле идентичность выступает психологическим механизмом обеспечения личной безопасности – через самоопределение себя относительно опасности и происходит определение стратегий безопасного поведения. Проблема личной безопасности ставится в исследованиях психологии безопасности как попытка перевести в русло психологии традиционно экономические концепты риска и угрозы [14]. Проблема развивается в исследованиях психологической безопасности как потребности в ощущении безопасности [15; 16], в исследованиях «самообеспечения безопасности» – как деятельности, направленной на обеспечение личной безопасности [17; 18], как функции личности, связанная с повседневным обеспечением наиболее эффективного существования и развития [19], как психологическое отношение к безопасности, лежащее в основе детерминации безопасного поведения [20; 21].

Существование связи между ощущением безопасности и представлениями о себе доказывает Р. Янов-Бульман в своей когнитивной концепции базовых убеждений

личности [22; 23]. В соответствии с ней одним из базовых ощущений нормального человека является здоровое чувство безопасности. По мнению автора, оно основано на трех категориях базовых убеждений, составляющих ядро нашего субъективного мира: вера в то, что в мире больше добра, чем зла; убеждение в том, что мир полон смысла; убеждение в ценности собственного Я. Первые два убеждения представляют собой оценку окружающего мира с позиций опасности / безопасности: добрый и наполненный смыслом мир безопасен в противовес злему и бессмысленному. Убеждение же в ценности собственного Я характеризует представления о себе, т. е. идентичность личности. Р. Янов-Бульман включает сюда три компонента: убеждение индивида в том, что он хороший и достойный человек, убеждение индивида в том, что он контролирует собственную жизнь, и убеждение в собственной удачливости.

Изучая проблемы отношения к личной безопасности мы предложили теоретическую модель, согласно которой структуру отношения к личной безопасности составляют когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты, реализующиеся в трех типах отношений: 1) отношение к угрозам, слабо поддающимся противодействию со стороны простого обывателя: природные, техногенные, военные и т. п.; 2) отношение к угрозам, поддающимся противодействию субъекта, исходящим из ближайшего окружения и повседневной действительности: бытовые опасности, транспорт, уличные преступники и т. п.; 3) отношение к себе как субъекту личной безопасности [24].

Когнитивный компонент отношения к личной безопасности состоит в системе представлений субъекта об опасностях, субъективной оценке личностью внешних и внутренних факторов с позиций, угрожающих или не угрожающих его безопасности, и проявляется в виде субъективной иерархии угроз и опасений личности. Эмоциональный компонент отношения к личной безопасности состоит в отношении к себе – в оценке своих способностей противостоять угрозам, уверенности в себе; в отношении к угрозам – в субъективном восприятии опасностей как угрожающих или не угрожающих, в эмоционально окрашенных опасениях (страхах). Поведенческий компонент отношения к личной безопасности отражает связь отношения и поведения и проявляется в планируемой и реализуемой деятельности по профилактике и противодействию угрозам, т. е. деятельности по обеспечению личной безопасности.

Методы

Убежденность в ценности собственного Я измеряется с помощью методики «Шкала базовых убеждений» Р. Янов-Бульман в адаптации О. М. Кравцовой [25]. В методике имеется соответствующая шкала *Ценность собственного Я*, а также субшкалы, измеряющие компоненты убеждения в ценности собственного Я: самооценку (Я хороший человек), контроль (Я правильно себя веду) и оценку удачливости (Мне везет). Представления об угрозах личной безопасности изучаются с помощью авторской

методики, которая представлена в виде трех опросников, позволяющих оценить разные составляющие угроз личной безопасности: представления об источниках угроз (кто или что мне угрожает), представления об угрожающем воздействии (какое негативное воздействие мне угрожает), представления о последствиях реализации угрозы (что будет, если угроза реализуется). Методика предполагает оценивание субъективной серьезности угроз по 5-балльной шкале из предложенных списков наиболее часто встречающихся угроз.

Исследование проведено на репрезентативной выборке населения Кемеровской области, в исследовании приняли участие 76 испытуемых. Возраст испытуемых – от 18 до 49 лет (средний возраст – 25 лет), 32 % – мужчины и 68 % – женщины, разного уровня образования, семейного и социального положения.

Результаты

Результаты корреляционного анализа Пирсона между оценками угроз личной безопасности и показателями выраженности убеждений в ценности собственного Я приведены в табл. 1. Обнаружено несколько значимых корреляций: между самооценностью (убеждением индивида в том, что он хороший человек) и субъективной оценкой угрозы со стороны преступных групп и организаций ($r=-0,29$); между самоконтролем (убеждением индивида в том, что он контролирует свою жизнь) и оценкой информационного воздействия ($-0,34$); между удачливостью (убеждением индивида в том, что он удачливый человек) и угрозой со стороны общественных движений и политических партий ($-0,35$); между удачливостью и угрозой со стороны сверхъестественных сил и непознанных явлений ($0,37$).

Больше взаимосвязей между оценками угроз личной безопасности и убеждениями в ценности собственного Я выявлено с помощью сравнительного анализа (табл. 2), что указывает на нелинейность многих взаимосвязей, которые не выявляются линейной корреляцией. Выборка делилась на группы в зависимости от выраженности соответствующих убеждений – на испытуемых со слабой, средней и сильной выраженностью убеждений. Использованы данные о пороговых значениях уровней выраженности из исследования на широкой репрезентативной выборке жителей сибирского региона [25].

Как и предполагалось, большинство зависимостей имеют нелинейный характер, с «провисанием» посередине. Например, оценки угроз личной безопасности со стороны незнакомых окружающих людей при сильной ($M=3,33$) и при слабой ($M=3,35$) убежденности индивида в том, что он хороший человек, значимо выше, чем при средней убежденности ($M=2,33$). Точно так же повышаются при отклонении от средней убежденности индивида в том, что он контролирует собственную жизнь, угрозы со стороны природных явлений (при средней $M=2,46$, при высокой $M=4,18$, при низкой $M=3,5$), угроза преступности, угроза потери источников дохода. Взаимосвязь оценок угроз и убеждения индивида в том, что он удачливый человек, в основном носит нелинейный характер, но здесь, наоборот, при средней выраженности убеждения наблюдаются более высокие оценки угроз. Например, испытуемые выразили большие опасения в утечке личной информации при средней выраженности убеждения в удачливости ($M=3,64$), чем при высокой ($M=2,41$) и низкой ($M=2,85$) выраженности; аналогичный характер связи обнаружен и по угрозе потери жизненного комфорта.

Известно, что представления человека о себе формируются в тесной взаимосвязи с представлениями об окружающем мире и во многом определяются ими. Полученные по методике Р. Янов-Бульман данные об убеждениях личности относительно окружающего мира были проанализированы в сочетании с убеждениями в ценности собственного Я, что позволило получить более глубокие результаты исследования. Анализ показателей методики Р. Янов-Бульман, соответствующих убеждениям относительно окружающего мира, показал, что наиболее связанным с показателями убеждения в ценности Я и оценок угроз безопасности выступает показатель общей убежденности в доброжелательности мира, который, согласно автору методики, складывается из показателей убеждений в доброжелательности мира и доброте людей.

В табл. 3 представлены результаты частотного анализа выраженности убеждения в доброжелательности мира и уровня угроз личной безопасности (пороговые значения уровней – низкий, средний, высокий – определены на основе собственных данных посредством разбивки по квартилям).

Табл. 1. Корреляции оценок угроз и показателей выраженности убеждений в ценности собственного Я

Tab. 1. Threats and indicators of self-worth assumptions: correlation of values

Оценки серьезности угроз по видам	Самоценность	Самоконтроль	Удачливость
Источник угрозы: преступные группы и организации	-0,29*	-0,22	-0,08
Источник угрозы: общественные движения или политические партии	-0,13	-0,01	-0,35*
Источник угрозы: сверхъестественные силы и непознанные явления	-0,07	-0,16	0,37*
Вид воздействия: информационное воздействие	-0,12	-0,34*	0,09

Прим.: * – корреляции, значимые при $p<0,05$. Приведены только те виды угроз, по которым получены статистически значимые корреляции.

Табл. 2. Результаты сравнительного анализа между группами с разной выраженностью убеждений в ценности собственного Я по видам угроз личной безопасности

Tab. 2. Groups with different manifestations of self-worth assumptions: a comparative analysis according to the type of threat

Угрозы личной безопасности	Выраженность убежденности						Значимые различия в парах*
	Слабая (1)		Средняя (2)		Сильная (3)		
	М	σ	М	σ	М	σ	
Убеждение индивида в том, что он хороший человек (самоценность)							
Незнакомые окружающие люди	3,25	1,14	2,33	1,27	3,33	1,21	1–2
Убеждение индивида в том, что он контролирует свою жизнь (самоконтроль)							
Природные явления	3,50	0,80	2,46	1,26	4,18	1,17	1–2; 2–3
Преступные группы и организации	4,17	1,03	3,18	1,22	3,64	1,29	1–2
Потеря источников дохода	4,17	1,11	3,14	1,43	3,73	1,68	1–2
Информационное воздействие	3,50	1,17	2,43	1,26	2,27	1,49	1–2; 1–3
Убеждение индивида в том, что он удачливый человек (удачливость)							
Отдельные общественные движения и политические партии	2,20	1,28	1,50	0,65	1,41	0,62	1–3
Свой собственный организм	3,00	1,21	3,50	1,45	2,06	1,30	1–3; 2–3
Сверхъестественные силы и непознанные явления	1,80	1,06	1,86	1,29	2,88	1,73	1-3
Утечка личной информации	2,85	1,46	3,64	1,60	2,41	1,18	2-3
Потеря комфорта, своего привычного образа жизни	2,40	1,19	3,43	1,55	2,29	1,10	1–2; 2–3

Прим.: * в столбце указаны пары сравниваемых групп, между которыми обнаружены различия ($p < 0,05$), например «1–2» – между группами со слабой и сильной убежденностью.

Табл. 3. Распределение в зависимости от уровня угроз личной безопасности и выраженности убеждения в доброжелательности мира, %

Tab. 3. Distribution depending on the level of threats to personal security and the assumption about the benevolence of the world, %

Уровень угроз личной безопасности	Убеждение в доброжелательности мира		
	Сильное	Среднее	Слабое
Высокий	–	17	83
Средний	22	48	30
Низкий	42	33	25

Результаты показывают высокий статистически значимый уровень сопряженности между уровнем угроз и уровнем убеждения в доброжелательности мира ($p = 0,007$ по критерию хи-квадрат Пирсона). При высоком общем уровне субъективной оценки серьезности угроз подавляющее большинство испытуемых (83 %) имеют низкий уровень выраженности убеждения в доброжелательности мира. Причем в нашей выборке не выявлен ни один испытуемый одновременно с высоким уровнем оценки угроз и высокой убежденностью в доброжелательности мира. Среди испытуемых с низким уровнем оценки угроз ожидаемо больше тех, у кого убеждение в доброжелательности мира сформировано

на высоком уровне (42 %). Остальные же характеризуются средней (33 %) и низкой (25 %) убежденностью в доброжелательности мира.

Представленные результаты указывают на то, что высокий уровень оценки угроз в подавляющем большинстве случаев сочетается с отношением к миру как к недоброжелательному. Иными словами, если у индивида высокий уровень оценки угроз, это с высокой вероятностью означает, что у него слабое убеждение в доброжелательности мира. Средний же, и особенно низкий, уровень оценки угроз намного слабее связан убеждением в доброжелательности мира, т. е. снижение уровня оценки угроз не означает обязательного повышения убежденности в доброжелательности мира.

В силу высокой взаимосвязи оценок серьезности угроз и убеждения в доброжелательности мира был проведен анализ зависимости оценок серьезности угроз от выраженности убеждений в ценности собственного Я отдельно для каждого уровня выраженности убеждения в доброжелательности мира (табл. 4). Наиболее высокие усредненные оценки серьезности угроз наблюдаются при сочетании слабого убеждения в доброжелательности мира и сильного убеждения в самооценности («мир злой, а я добрый», $M = 3,94$), при сочетании слабого убеждения в доброжелательности мира и средней убежденности в своей удачливости («мир злой, а я не очень везучий», $M = 3,92$). Наиболее низкие

Табл. 4. Перекрестная таблица усредненных оценок серьезности угроз в зависимости от уровня убежденности в ценности собственного Я и уровня убежденности в доброжелательности мира

Tab. 4. Cross table of average assessments: severity of threats vs. the level of assumptions about self-worth and benevolence of the world

Убеждение в доброжелательности мира	Самоценность			Самоконтроль			Удачливость		
	Сильная	Средняя	Слабая	Сильный	Средний	Слабый	Сильная	Средняя	Слабая
Сильное	2,24	2,84	2,91	2,84	2,64	3,07	2,78	2,7	2,91
Среднее	2,85	2,76	2,92	2,76	2,77	3,14	3,04	2,69	2,72
Слабое	3,94	3,26	3,41	3,7	3,13	3,45	2,93	3,92	3,25

оценки серьезности угроз наблюдаются при сочетании сильного убеждения в доброжелательности мира и сильного убеждения в самоценности («мир добрый и я добрый», $M=2,24$). Также заслуживает внимания сочетание слабой доброжелательности мира и сильной удачливости, при котором оценки угроз относительно низкие («мир злой, но я везучий», $M=2,93$).

Анализ изменений значений оценок угроз при слабой, средней и сильной убежденности отдельно для каждого убеждения позволяет отметить, что в большинстве случаев закономерность носит нелинейный характер, как правило, со снижением значения оценки угроз при среднем уровне убежденности. Например, зависимость оценки угроз от убеждения индивида в том, что он контролирует свою жизнь, при слабой убежденности в доброжелательности мира выглядит следующим образом: наиболее низкие оценки угроз наблюдаются при средней убежденности ($M=3,13$) и увеличиваются при слабой ($M=3,45$) и сильной (3,7). Аналогичная зависимость со снижением в зоне среднего значения наблюдается и по убеждениям в самоценности и удачливости. Однако при слабой убежденности в доброжелательности мира зависимость по удачливости принимает обратный вид – наибольшее значение оценки угроз, как уже отмечалось, наблюдается при средней выраженности убеждения ($M=3,92$).

Заключение

Представления человека о себе в значительной степени определяют его отношение к угрозам личной безопасности, но в сочетании с отношением к окружающему миру. Одной лишь убежденности в ценности собственного Я недостаточно для характеристики системы представлений об угрозах личной безопасности – необходимо учитывать, как эти убеждения согласуются с убеждениями относительно безопасности мира. Позитивные убеждения в ценности собственного Я могут как бы компенсировать негативное отношение к окружающему миру и людям. Например, при убеждении, что в мире больше зла, чем добра, индивид может иметь относительно невысокие опасения относительно своей личной безопасности, будучи убежденным в том, что он удачливый и ему везет. При этом показано,

что другие позитивные убеждения о себе («Я хороший человек» и «Я контролирую свою жизнь») не снижают уровень оценки серьезности угроз при общей убежденности в опасности мира.

Еще один вывод касается характера взаимосвязи между силой убеждений в ценности собственного Я и отношением к угрозам личной безопасности. Результаты показали, что оценки угроз безопасности ниже при среднем уровне убеждений, т. е. при отсутствии крайних убеждений, что выражается в нейтральных представлениях о себе (например, «Я ни хороший, ни плохой», «У меня средняя удачливость» и т. д.). При слабой убежденности в доброжелательности мира любое заострение представлений о себе в ту или другую сторону повышает оценки угроз личной безопасности. Особенно это наблюдается при сочетании убеждения «Я хороший, а мир злой» – в этом случае достигается наибольшая субъективная серьезность угроз; при убеждении «Я плохой и мир злой» оценка угроз также высока; но при нейтральности убеждения относительно своей положительности оценка угроз существенно снижается. Обнаруженный факт подтверждает существование нелинейной взаимосвязи между компонентами идентичности и представлениями об окружающем мире и делает возможным содержательный анализ типов сочетаний этих представлений. Указанный анализ может быть выполнен как в разрезе отношения к личной безопасности, так и в более широком контексте, например, с целью выявления эффективных и проблемных типов сочетаний образа Я и образа мира.

В целом исследование показало, что убеждения в отношении себя в сочетании с убеждениями в отношении окружающего мира в высокой степени взаимосвязаны с отношением к личной безопасности. В этой связи идентичность необходимо рассматривать как важный компонент системы отношения к личной безопасности, источник этого отношения. Это согласуется с общим трендом изучения идентичности как своеобразной «антикризисной» психологической системы, призванной согласовывать множественные самоопределения в отношении различных областей отнесенности личности, снижая субъективную неопределенность.

Литература

1. Иванов М. С. Угрозы идентичности в системе отношения к личной безопасности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 974–981. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-974-981
2. Белинская Е. П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. № 1. С. 6–15. DOI: 10.21638/11701/ spbu16.2018.101
3. Белинская Е. П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1120-belinskaya40.html> (дата обращения: 10.11.2019).
4. Белинская Е. П. Проблема идентичности в современной социальной психологии // Культурно-исторический подход: от Л. С. Выготского – к XXI веку / под ред. Т. Д. Марцинковской, В. Р. Орестовой, О. В. Гавриченко, Е. А. Киселевой. М.: Типография МПГУ, 2018. С. 76–84.
5. Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html> (дата обращения: 02.12.2017).
6. Леонтьев Д. А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1110-leontiev40.html> (дата обращения: 02.12.2017).
7. Bamberg M., De Fina A., Schiffrin D. Discourse and identity construction // Handbook of identity theory and research / eds. S. J. Schwartz, K. Luyckx, V. L. Vignoles. N. Y.: Springer, 2011. P. 177–199. DOI: 10.1007/978-1-4419-7988-9_8
8. Марцинковская Т. Д. Методология современной психологии: смена парадигм?! // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 36. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1012-martinkovskaya36.html> (дата обращения: 02.12.2017).
9. Benson C. The unthinkable boundaries of self: The role of negative emotional boundaries for the formation, maintenance, and transformation of identities // The self and others: Positioning individuals and groups in personal, political, and cultural contexts / eds. R. Harré, F. Moghaddam. Westport: Praeger, 2003. P. 61–84.
10. Oyserman D., Destin M., Novin S. The context-sensitive future self: possible selves motivate in context, not otherwise // Self and Identity. 2014. Vol. 14. № 2. P. 173–188. DOI: 10.1080/15298868.2014.965733
11. Зайцева Ю. Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. № 1. С. 118–136.
12. McAdams D. P. Narrative identity // Handbook of identity theory and research / eds. S. J. Schwartz, K. Luyckx, V. L. Vignoles. N. Y.: Springer, 2011. P. 99–115. DOI: 10.1007/978-1-4419-7988-9_5
13. Муравьева О. И., Литвина С. А., Кружкова О. В., Богомаз С. А. Особенности структуры идентичности с городом молодежи российских городов // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7. № 1. С. 63–80. DOI: 10.15293/2226-3365.1701.05
14. Кимберг А. Н. Психология безопасности личности: предмет и проблемы в перспективе субъектного подхода // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 1. С. 72–82.
15. Баева И. А. Психологическая безопасность в образовании. СПб.: Союз, 2002. 270 с.
16. Донцов А. И., Перельгина Е. Б., Зотова О. Ю., Мостиков С. В. Доверие как фактор психологической безопасности в межнациональном взаимодействии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 21–34. DOI: 10.17759/sps.2018090202
17. Краснянская Т. М. Психология самообеспечения безопасности. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 279 с.
18. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Fractal approach to the interpretation of psychological safety of the person // European Journal of Psychological Studies. 2015. № 2. P. 48–57. DOI: 10.13187/ejps.2015.6.48
19. Фоменко Г. Ю. Психология безопасности личности: теоретико-методологические основания институционализации // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 1. С. 83–99.
20. Ivanov M. S., Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Mobility as strategy of providing personal security in postmodern society // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Intern. Conf. on research paradigms transformation in social sciences. Tomsk, May 18–21, 2017. Future Academy, 2018. Vol. 35. P. 1187–1196. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.140
21. Иванов М. С., Яницкий М. С. Отношение к личной безопасности: понятие, структура, ценностная вариативность // Психология отношений в постнеклассической парадигме: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Белово, 1–7 июня 2015 г.) Белово, 2015. С. 54–68.
22. Janoff-Bulman R. Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Application of schema construct // Social Cognition. 1989. Vol. 7. Special Issue: Social Cognition and Stress. P. 113–136.

23. Богомаз С. А., Гладких А. Г. Психологическая безопасность и ее измерение с помощью шкалы базисных убеждений // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 191–194.
24. Иванов М. С. Обеспечение личной безопасности как проблема психологии жизненного пути, самореализации и идентичности личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-3. С. 128–133.
25. Падух М. А. Котельникова А. В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 4. С. 98–106.

original article

Assumptions of Self-Worth with a Different Attitudes to Personal Security Threats*

Mikhail S. Ivanov^{a, @, ID}

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@ ivanov.mikhail@gmail.com

ID <http://orcid.org/0000-0001-5444-0069>

Received 27.11.2020. Accepted 18.12.2020.

Abstract: The present research featured the relationship between assumptions about self-worth as a characteristic of identity and the attitude to threats as part of general attitude to personal security. The study was based on R. Janoff-Bulman's theory of basic assumptions and related methodology. Attitudes to personal security were assessed according to an authentic methodology as scores given to various threats. Assumptions of self-worth appeared to determine the values of threats in certain combinations with assumptions about the environment. For instance, respondents with high anxiety expressed a world-is-bad-but-I-am-good kind of attitude, while those with lower anxiety possessed a world-is-bad-but-I-am-lucky attitude. However, identity as the relationship between ideas about one's self and the environment needs further research. In addition, studies on identity as the key source of personal security attitudes is a promising research topic.

Keywords: assumptions, self-image, identity, attitude to personal security, perceptions of threats, security psychology

For citation: Ivanov M. S. Assumptions of Self-Worth with a Different Attitudes to Personal Security Threats. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(4): 992–999. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-992-999>

References

1. Ivanov M. S. Identity threats in the system of attitudes to personal security. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 974–981. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-974-981
2. Belinskaya E. P. Modern identity studies: From structural certainty to procedural incompleteness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education*, 2018, 8(1): 6–15. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2018.101
3. Belinskaya E. P. The variability of self: an identity crisis or a crisis of knowledge about it? *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2015, 8(40). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1192-seryi43.html> (accessed 10.11.2019). (In Russ.)
4. Belinskaya E. P. The problem of identity in modern social psychology. *Cultural-historical approach: from L. S. Vygotsky to the XXI century*, eds. Martsinkovskaya T. D., Orestova V. R., Gavrichenko O. V., Kiseleva E. A. Moscow: Tipografia MPGU, 2018, 76–84. (In Russ.)
5. Asmolov A. G. Psychology of modernity: the challenges of uncertainty, complexity and diversity. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2015, 8(40). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html> (accessed 02.12.2017). (In Russ.)
6. Leontiev D. A. The challenge of uncertainty as the key issue of the psychology of personality. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2015, 8(40). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1110-leontiev40.html> (accessed 02.12.2017). (In Russ.)
7. Bamberg M., De Fina A., Schiffrin D. Discourse and identity construction. *Handbook of identity theory and research*, eds. Schwartz S. J., Luyckx K., Vignoles V. L. N. Y.: Springer, 2011, 177–199. DOI: 10.1007/978-1-4419-7988-9_8

* The article was written with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) in the framework of the scientific project No. 19-013-00066 "The system of identity of the personality of young students: dynamics, factors, threats".

8. Martsinkovskaya T. D. Methodology of modern psychology: a change of paradigms?! *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2014, 7(36). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1012-martsinkovskaya36.html> (accessed 02.12.2017). (In Russ.)
9. Benson C. The unthinkable boundaries of self: The role of negative emotional boundaries for the formation, maintenance, and transformation of identities. *The self and others: Positioning individuals and groups in personal, political, and cultural contexts*, eds. Harré R., Moghaddam F. Westport: Praeger, 2003, 61–84.
10. Oyserman D., Destin M., Novin S. The context-sensitive future self: possible selves motivate in context, not otherwise. *Self and Identity*, 2014, 14(2): 173–188. DOI: 10.1080/15298868.2014.965733
11. Zaytseva Yu. E. Self-narrative as an instrument of identity construction: existential-narrative approach. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy*, 2016, (1): 118–136. (In Russ.)
12. McAdams D. P. Narrative identity. *Handbook of identity theory and research*, eds. Schwartz S. J., Luyckx K., Vignoles V. L. N. Y.: Springer, 2011, 99–115. DOI: 10.1007/978-1-4419-7988-9_5
13. Muravyeva O. I., Litvina S. A., Kruzhkova O. V., Bogomaz S. A. Russian young city-dwellers: structural features of urban identity. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, 7(1): 63–80. DOI: 10.15293/2226-3365.1701.05
14. Kimberg A. N. Psychology of personal safety: subject and problems in the perspective of the subjective approach. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, 2010, (1): 72–82. (In Russ.)
15. Baeva I. A. *Psychological safety in education*. St. Petersburg: Soiuz, 2002, 270. (In Russ.)
16. Dontsov A. I., Perelygina E. B., Zotova O. Yu., Mostikov S. V. Trust as a factor of psychological security in interethnic interaction. *Social Psychology and Society*, 2018, 9(2): 21–34. (In Russ.) DOI: 10.17759/sps.2018090202
17. Krasnyanskaya T. M. *Psychology of self-security*. Pyatigorsk: PGLU, 2009, 279. (In Russ.)
18. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Fractal approach to the interpretation of psychological safety of the person. *European Journal of Psychological Studies*, 2015, (2): 48–57. DOI: 10.13187/ejps.2015.6.48
19. Fomenko G. Yu. Psychology of personal security: theoretical and methodological foundations of institutionalization. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, 2010, (1): 83–99. (In Russ.)
20. Ivanov M. S., Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Mobility as strategy of providing personal security in postmodern society. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Intern. Conf. on research paradigms transformation in social sciences*, Tomsk, May 18–21, 2017. Future Academy, 2018, vol. 35, 1187–1196. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.140
21. Ivanov M. S., Yanitskiy M. S. Attitude to personal security: concept, structure, value variation. *Psychology of relations in the post-non-classical paradigm: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Belovo, June 1–7, 2015*. Belovo, 2015, 54–68. (In Russ.)
22. Janoff-Bulman R. Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Application of schema construct. *Social Cognition*, 1989, 7(Special Issue: Social Cognition and Stress): 113–136.
23. Bogomaz S. A., Gladkikh A. G. Psychological safety and its measurement with the scale of basic beliefs. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (318): 191–194. (In Russ.)
24. Ivanov M. S. Ensuring personal safety as a problem of psychology of the way of life, self-realization and personal identity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (3-3): 128–133. (In Russ.)
25. Padun M. A., Kotelnikova A. V. Modification of R. Janoff-Bulman's procedure for personality basic beliefs study. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2008, 29(4): 98–106. (In Russ.)